

Формула счастья

Жизнь порой дарит нам незабываемо-прекрасные встречи с людьми. Иногда пытаюсь мысленно выстраивать перед собой тех людей, о которых рассказал на страницах газет за десятилетия журналистики, и думаю: а ведь не меньше полка наберётся. Герои Советского Союза и Социалистического труда, директора и инженеры, капитаны морских лайнеров и рыболовецких траулеров, химики и строители, мастера и рабочие, трактористы и комбайнёры, педагоги и животноводы, молодые и старые... С каждым прожит какой-то отрезок времени. Обыкновенный стол, россыпь фотографий становились полем боя, хлебородной нивой, производственной площадкой. Мимика, жест, взгляд, тёплая улыбка человека уводили тебя в огненные закаты и восходы, ненастье и свежесть росного утра. Жизнь на глазах, год за годом шлифовала изначально заложенный в каждом из нас необработанный алмаз души. Чем больше граней, тем ярче свет, чем тоньше обработка, тем ценнее. А сколько у Вас граней?..

Нет одинаковых пядей земли, нет одинаковых людей.

И — ближе к делу. Пойдёмте сегодня сходим в гости к Евгении Петровне Смирновой. Ей, представьте себе, — 92 года. Это один из старейших ветеранов «Славича». Подумалось: даже если кому-то ныне 60—65 лет, посмотрит на эти года — шапка свалится. А говорить о 30-летних и вовсе не приходится: для них эти годы — Эверест.

Кандидатуру предложила председатель Совета ветеранов «Славича» Антонина Николаевна Сеницына:

— Познакомьтесь и не пожалеете, — сказала она.

Евгению Петровну помнят многие наши ветераны. Мнение одно: это внутренне высокоорганизованный, целеустремлённый человек, талантливый инженер-химик, строгий и справедливый руководитель. Конкретные дела люди слабо помнят. И это понятно: время неумолимо, да и сердце греют только наши собственные дела. Уж их-то мы помним всегда.

С некоторым внутренним опасением я набрал номер телефона Евгении Петровны. К моему удивлению, ответил бодрый женский голос:

— Приходите, я всё время дома. Только что мне рассказывать? Я уж столько живу, что и меня позабыли, и сама я позабыла всё на свете...

К моему приходу Евгения Петровна подготовила и аккуратно сложила на столе свою трудовую книжку, Диплом об окончании Казанского химико-технологического института, а сверху лежала коробочка с наградами и там же — значок о высшем образовании.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Евгению Петровну наградили в июне 1945 года. А в 1955-м — медалью «За доблестный труд». Всего у неё пять медалей, и мы все, не торопясь, рассмотрели: из одного металла льют медаль за бой — медаль за труд.

Живёт она в коммунальной квартире, в небольшой комнате, тесно заставленной мебелью, пережившей вместе с хозяйкой немало лет. Ходит Евгения Петровна с палочкой, но иногда оставляет её, и мебель служит ей опорой, а руки безошибочно знают, где сервант, а где спинка кресла, и уверенно ведут по этим маякам.

Заметив мой блуждающий по комнате взгляд, Евгения Петровна сказала:

— Представьте себе, я в этой комнате живу с 1940 года. Да, да, именно так. Никуда не уезжала, не переезжала. Я очень люблю эту комнату. Здесь всегда много солнца. В 1978 году сама сделала ремонт. Я всё люблю делать сама, не полагаясь на чужие руки. Но сейчас без помощи уже не обойтись. Ко мне приходят из ЦСО «Надежда». От Совета ветеранов «Славича» мне помогает Евдокия Васильевна Силина. Всем — большое спасибо за поддержку.

Дети и старики — это, наверно, самые счастливые на свете люди. Всё остальное народонаселение с утра вскакивает, начинает колготиться, бегать, заявлять о своём существовании в этом мире и бороться за него, стучать ногами и кулаками в запертые ворота удачи: сезам, откройся! И только дети и старики живут, именно живут, а не существуют в настоящем времени, сейчас, то есть в сей час, с-час-тливо. Им торопиться некуда. Одним — «пока», другим — «уже».

Однажды молодой врач обследовала Евгению Петровну, ну и, как всегда между женщинами: тары-бары за жизнь, зарплату, пенсии, цены, о прошлом и настоящем. А потом спросила:

— Евгения Петровна, а куда вы время девааете?

— А никуда я его не деваю, не убиваю, не доживаю, просто живу в том возрасте, который Бог послал. То, что в молодости сделала бы за час, сегодня и за весь день не управлюсь. Мне только чтобы одеться и на улицу выйти нужно потратить три часа — такое вот быстрое у меня время.

Наша история. Как часто мы говорим: знаем. Мы знаем, что была Октябрьская революция, Гражданская и Великая Отечественная войны, трудные годы жизни. А вот, представьте себе, Евгения Петровна, ничего «не знает». Она просто жила в это суровое время, и оно является для неё не каким-то прошлым, «книжно-познавательным», а самой настоящей жизнью, её жизнью. И без малого всё это XX столетие — время немыслимого взлёта технического прогресса и, одновременно, самого жестокого, переполненного кровью и слезами человечества — она прошагала достойно. Не согнулась, не надломилась, сохранила самое главное — человечность и крепость духа.

Говорим час, два, три... Рассматриваем фотографии, хранящие дорогие, родные лица. Восхищает ещё качество снимков. (Представьте себе, фотоснимок бабушки Софьи Фёдоровны сделан в 1860 году и не потерял свежести изображения до сих пор.

А вот ещё снимок (фото в нижнем углу), сделанный в 1917 году:

— Слева — мой брат Лёня, он старше меня на год, — поясняет Евгения Петровна, — справа — я, ну, и наша мама — Вера Ивановна. Она умерла, когда мне было пятнадцать лет. Леонид тоже рано ушёл из жизни — в 39-м году во время работы на Ферганском канале заболел брюшным тифом. У него осталась дочь — Виолетта. Когда я немного встала на ноги, я забрала её из детского дома. Она и стала мне дочерью. Сейчас ей уже 62 года, живёт в Тюмени. У неё два сына. Когда мы встречаемся, она говорит: я — самая счастливая на свете бабушка — у меня аж пятеро внуков. Эта радость и для меня тоже. У меня был ещё брат — Владимир. Он погиб во время войны под Ленинградом. А как сама я выжила, не согнулась — сама себе удивляюсь. Мы жили в Самаре. После революции только и помню -холод, голод, болезни. Школы то закрывали, то открывали. Сидим, учимся в валенках, шубах, шапках, руки ничего не держат. Вместо тетрадей писали на сшитых клочках бумаги. Но всегда была жажда познания — это традиция нашей семьи, в которой все были с высшим образованием, учителями. И не только это — самостоятельность суждений, чувство долга, внутреннее благородство, стойкость в преодолении невзгод — это тоже семейное наследие, не позволяющее опускать руки ни при каких обстоятельствах...

Нет, ничего не позабыла в своей жизни Евгения Петровна. Её память — это огромная страна, богатая событиями, лицами, поступками, чувствами. В эту страну не надо никуда ехать, здесь отсутствует время и пространство. Вся рядом, при ней: мгновение — и она уже в Казани, видит себя юной, энергичной: нет дороги в жизни — надо её проложить! Днём работала, не щадила себя, вечером мчалась в институт, в мир формул, молекул и атомов, который любила и чувствовала здесь себя как рыба в воде — в свободной, окрыляющей невесомости. Снимок ложится на стол: сквозь десятилетия юность смотрит в новое время (фото в центре).

Прибыв по направлению в Переславль в конце 1938 года, молодой специалист Евгения Смирнова имела девять лет трудового стажа, высшее образование, суровую жизненную школу, что в совокупности подразумевает университет, имя которому — образованность. Мы очень часто путаем «образование» и «образованность», полагая, что это одно и то же. Образованный человек — внутренне элегантен, сберёгший честь смолоду, с высококонрастным интеллектом. Подобное состояние не всегда гарантируют даже два института подряд.

— Возле Евгении Петровны всегда хотелось быть лучше, чем ты есть, и делать больше, чем надо, — говорили мне. А это, думается, самая высшая оценка человеческой интеллигентности.

Сама же Евгения Петровна говорит так:

— Обычно говорят: человека любят на работе. Знаете, я не могу сказать, что испытывала такую любовь. Были уважение, признательность, но любви — нет. Может, я сама такая — труд-

но сказать. Люблю людей, но эта любовь должна быть строгой, исключаящей панибратство. Не терплю расхлябанности, необязательности, сплетен, пересудов. Это, видимо, от характера работы. Она всегда требовала полной самоотдачи, чёткости и сосредоточенности.

Переславской фабрике киноплёнки Е. П. Смирнова отдала 27 лучших своих лет жизни. Инженер-исследователь, старший инженер, старший мастер, начальник эмульсионно-поливного цеха... В трудовой книжке очень много записей о передвижениях по работе — её направляли именно туда, где требовались умение организовать дело и людей, но самое главное — достойно и благородно нести груз ответственности, добровольно взятой на себя. Это благородство никогда не позволяло ей искать причины ошибок в людях и обстоятельствах, а прежде всего — в себе. И то дело: взялся за гуж, пыхти, кряхти, а не говори, что не дюж.

Труд инженеров, организаторов производства невозможно выразить конкретным результатом. Он растворяется в делах бригад и рабочих, поддерживает их проценты и нормы выработки, вливаясь в общий результат предприятия. Инженеру зачастую достаются только синяки и шишки за недосмотр, недопоставки, за технику безопасности, а в прошлые годы ещё и за то, что Имярек плохо контактирует со своей Имяречкой в домашних условиях.

В данном случае Евгению Петровну можно считать счастливым человеком — в её трудовой книжке нет ни одного выговора, только благодарности и премии — свыше сорока поощрений. За что? Давайте коснёмся хоть некоторых. Первое поощрение Евгения Петровна заслужила в 1940 году.

— Мы тогда выполняли какой-то спецзаказ, — говорит она, — дома почти и не была. Да и не одна я — все так работали.

Е. П. Смирнова до сих пор не знает про этот <какой-то> спецзаказ. А я разворачиваю воспоминания бывшего военного представителя Георгия Тихоновича Баранова.

В ночь с 30 на 31 декабря 1939 года он сошёл с поезда в посёлке Берендеево и бегом по морозу — в Переславль. Фабрика вот уже несколько дней простаивала из-за отсутствия топлива. По тревоге были подняты курсанты военной школы, руководство фабрики, рабочие. Была организована доставка топливного торфа, запущено производство. Каждую партию авиаплёнки Георгий Тихонович проверял самым тщательным образом, ибо рисковал головой. Была отбрана тысяча катушек, доставлена в Ленинград, а затем — на финский фронт. Г. Т. Баранов приводит строки из воспоминаний командарма, Маршала Советского Союза Кирилла Афанасьевича Мерецкова: «Усилили разведку авиацией, дали задание сфотографировать линию Мангейма. На это ушёл весь январь. К началу февраля мы, наконец, располагали картами со схемой вражеской обороны».

Такова связь короткой записи в трудовой книжке с действительными событиями.

Осенью 41-го, при угрозе прорыва гитлеровцев под Москвой, фабрика была остановлена, рабочие уволены, оборудование демонтировалось для передислокации вглубь страны, трубопроводы размораживались. Как человека, обладающего высочайшим чувством ответственности, Е. П. Смирнову назначили диспетчером фабрики. Она знала все закоулки производства, ход работ, и вместе с оборудованием готовилась к отъезду: «...Неделю сидела на чемоданах». 5 декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск, в ходе которого фашисты были отброшены от Москвы на десятки километров. Оборудование срочно вернули со станции Берендеево: немедленно всё восстанавливать — фронту нужна авиаплёнка!

— Всё оборудование вернули, но я до сих пор не знаю, куда запропастились баки. Такие баки были хорошие, большие, блестящие... Всё проверила, а баков не нашла.

Она ещё много раз возвращалась к этим самым бакам. Признаться, я в разговоре не придал этому значения: какие уж там баки во время войны — миллионы голов сложены. И только спустя время осенило: она говорила о главном для неё. Как в луче лазера на этих баках сфокусировалось отношение человека к производству. Сегодня мы призываем людей «быть» хозяевами производства и всего, что их окружает, а она просто «была». Хочется надеяться, что читатель почувствует эту разницу. Она «была» в своём кровном жизненном пространстве, не деля его на личное и производственное, а всё остальное — прилагательное. В этом, как ни странно, самая главная формула успеха. Там, где провал, куча проблем, значит, там люди делят: моё — чужое, я — они, работа — каторга, жизнь — за проходной. Надо работать и жить одновременно, надо работать, чтобы жить. Для Евгении Петровны всё здесь ясно, как Божий день. А вам?..

В оглушающий майский день 45-го Евгения Петровна вместе со всеми рыдала и смеялась, думала — с ума сойдёт: ПОБЕДА! Одежда на ней болталась, как на вешалке, встала на весы: за 1 418 суток потеряла 16 килограммов. В чём душа держалась? На стойкости духа!

О человеке можно рассказывать долго, у Евгении Петровны богатая событиями жизнь, немало внедрённых и эффективно действующих рационализаторских предложений, облегчающих тяжкий труд киноплёночников и отмеченных человеческой признательностью.

Особенно меня покорила и немного развеселила последняя запись в трудовой книжке, сделанная аж в 1965 году: «Уволена в связи с уходом на пенсию по старости».

Представьте, «по старости» записано 35 лет назад. Где вы были в это время, читатель? А она сидит напротив, улыбается, мы путешествуем по её Памяти, подобной огромному государству. Там детство, юность, годы, события, дорогие лица, свои Азорские острова и Алые паруса надежды. Ходим в театры, нянчим внуков, читаем книги, думаем. Всё у неё было, благодаря Трудю души, и всё повторяется в нынешних молодых. Меняется только технический прогресс, уходят с потоков технологии, а чувства человеческие остаются в этом мире неизменными: любовь и горечь, радость и грусть, тревоги и озарения. Всем одарена жизнь человека сполна, и всё повторяется, растёт и живёт во внуках и правнуках.

— Евгения Петровна, а что надо, чтобы прожить до преклонных лет и чувствовать себя так же спокойно, как Вы?

— Любить жизнь и своё дело, тогда всё в радость. Но знаете, ещё в молодости я заметила, как люди много сил и нервов тратят на борьбу друг с другом. Собирают сплетни, планируют и творят пакости, мстят. Себе нервы мотают и другому, себе здоровье гробят и другому. Я никогда не участвовала в подобных «мероприятиях».

— Вы считаете это главным?

— Да!